

Слащов Я. А.
«О Добрармии в действии в 1918 году».
Часть II¹

Публикация А. С. Пученкова

*Юго-Восточному Краевому Комитету.
Отдел Истпарт на № 1232.*

Первая защита Ставрополя белыми 23.07–23.08. 1918 года

Общая обстановка

С взятием Тихорецкой и Ставрополя наступает второй период деятельности Добрармии, в котором она выступает в роли государственной власти, могущей проводить в жизнь свои положения и взгляды. В ее руки попадают такие населенные центры, как Ставрополь, и очень скоро после него Екатеринодар, железнодорожные линии, их узлы, как Тихорецкая и Кавказская, имеется неугрожаемый тыл (Донская область с Красновым во главе, державшая дружественный нейтралитет относительно Кавказа и ведшая войну с красными на севере — сама она (Донская армия) поддерживалась врагами Добрармии германцами; Добрармия очень скоро получила Новороссийский порт и следовательно в ее руках оказалась экономическая жизнь населения Северного Кавказа. Железнодорожное сообщение красных с центром было прервано и оставалось только грунтовые [дороги] через Белый крест и вдоль Каспия, и морское — по Каспийскому морю. Силы красных были очень значительны — в их руках оставалось более чем 150 тысячная армия, но из мобилизованных, склады и припасов всякого рода и весь Юг Кавказа до Закавказья. Под влиянием опасности правительства разных Совнаркомов более или менее сговорились

Пученков
Александр Сергеевич,
*доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

между собой для общности действий. Но крупные минусы продолжали существовать — споры продолжались, один совет арестовывал другой, войсковые начальники арестовывали советы, а советы арестовывали начальников — и все за пресловутую «контрреволюцию», под которой часто крылась просто жажда власти. Умением управлять войсками обладали немногие командиры красных. В большинстве управление сказывалось только в личном примере и огромную массу солдат пускали валить валом, как саранчу на препятствия. Обиженное советами казачество бурлило всюду, и всюду поднимало восстания, присоединялись к Добрармии и составляя ее главный контингент. На Тереке тоже начались восстания, казаки с нетерпением ожидали Добрармию, а горцы просто занимались грабежом, а потом воевали и с красными, и с белыми. Припасов и средств у Добрармии не было никаких, и она питалась из захваченных складов всяких пожертвований, поддержкой станиц, реквизициями и просто грабежом. Это были повстанцы, которые представляли уже опору новой государственной власти, но которые все еще оставались партизанами и сохраняли все недостатки этого вида войск. В это же время началось и то страшное зло Гражданской войны — жестокая месть, которая залила кровью Россию. Придя в свои станицы и в города, белые нашли горы трупов своих родных и единомышленников, от уцелевших слышали рассказы о совершенных красными зверствах, мужья находили своих жен зверски убитыми с вырезанными грудями и т. п. Началась месть — трудно было добиться пленного для допроса или захваченного комиссара, чтобы получить от него сведения. Если их не убивали при захвате, то почти всегда кончали по дороге в штаб. Удержать толпу не было никакой возможности, и белые наделали зверств не меньше, чем красные. Место жестоких казней красными в Ставрополе (двор юнкерского училища), где валялась масса трупов, было залито кровью белыми в ответ и тоже без всякого разбора, а самочинно ночью, кто-то кого-то схватил, привел на плац и зарубил, прикончить это можно было только тем, что на плац поставить караул из особенно верных людей, но конечно, эти убийства под видом казни, переносились в более удобные места и в них был виновен и командный состав. Во время второго взятия Ставрополя 15 ноября 1918 г. был такой случай: один офицер ворвался в брошенный красными лазарет, и начал кинжалом закалывать больных и раненых, причем заколол и только что принесенных туда красными двух корниловцев, пока его арестовали, он успел перерезать 90 человек. Генерал Деникин хотел его арестовать, но виновного пришлось посадить в дом умалишенных. И подобных случаев зверств с той и другой стороны было много — это был продукт и безумства, и анархия, которая всегда временами вспыхивает в Гражданской войне.

После вступления в Ставрополь части, как указано выше, расположились по южной окраине Ставрополя и выставили охранение по линии дер. Татарка-Надежда. Высланная разведка 23 июля определила сосредоточение красных у ст. Темнолесской и Бешпагир. Все указывало, что красные не успокоятся и не примирятся с фактом потери города.

Предстояла трудная задача защиты Ставрополя силами много слабее противника, в большинстве конницы, представлявшую собой чисто партизанскую часть, неспособную ни к какой обороне и с малым количеством патронов. Вот почему я так возмущался несвоевременным взятием Ставрополя, что подвергало население ужасу боя в городе и перехода его из рук в руки во время гражданской войны. Военный губернатор Глазенап еще не приехал, а из ставки вернулся один Шкура. Оборона города фактически оставалась в моих руках. Я сознавал, что оборону на два фронта данными войсками вести немислимо, само собою назревала система коротких ударов по внутренним операционным линиям, так как оторваться от города и преследовать было невозможно, потому что красные с другого фронта могли бы тогда спокойно овладеть городом в тылу у преследующих частей. Поэтому требовалось определить характер обоих стоявших против меня начальников. У горы Недреманной-Темнолесская, стоял Балахонов, у Старомарьевское-Бешпагир другая группа красных Ставропольской губернии, где начальники все время менялись. На 23 июля я решил обрушиться на своего старого знакомого Балахонова, у которого были части Кубанского Совнаркома и который сам, по-моему, не стал бы равнодушно смотреть на атаку белых на Бешпагир. Но Балахонов сам с рассветом 23 июля перешел в решительное наступление на широком фронте, и овладел лесом и высотами д. Татарки.

Бой 23–26 июля 18 года под Ставрополем

Таким образом, Ставрополь в непосредственной близости (8 верст) был угрожаем красными, поведшими наступление от высот д. Татарки вдоль дороги на Ставрополь, распространяясь своим левым флангом к ст. Сенгалеевской, видимо, с целью отрезать железную дорогу Ставрополь–Кавказская. Всего с этой стороны, под командой Балахонова, наступало около 5–6 тысяч человек при 8 орудиях, конницы не было. У Бешпагира-Старомарьевская стояло около 3000 человек при 4 орудиях, тоже почти без конницы — этот фронт безмолвствовал и позволял оставить против себя одно наблюдение. Белые силы состояли из 2500 шашек в коннице, сведенной в 4 полка около 1300 штыков, пехоты, сведенные в 3 пластунских батальона и две роты селения Донского, которых это селение прислало для защиты Ставрополя от красных и 2 орудия — остальные, захваченные у красных орудия, еще не были поставлены в строй. Кроме этого, имелось еще 6 грузовых автомобилей, на которые были установлены колесные крепостные пулеметы, тоже захваченные в Ставрополе; один бронепоезд, присланный из Тихорецкой (взамен увезенных к Ледовой Балке ставропольских частей) и ожидалось прибытие Черноморского казачьего полка, силой около 250 шашек — этот полк еще формировался, так как Деникин решил новые части обучить и воспитать на принципах дисциплины, а не полу-анархической партизан-

щины казачьих частей. В самом Ставрополе формировался Ставропольский офицерский полк под командой генерала Бурневича.

Бой загорелся за обладание лесом между Ставрополем и Татаркой, который белая пехота упорно отстаивала, вся конница была в резерве и высылала только наблюдение за флангами и за Бешпагирской группой красных. Красные валили валом, сплошной ниткой, почти без резервов, стараясь глубоко обойти правый (западный) фланг белых, растянувшись для этого почти до самой ст. Сенгелеевской. Благодаря такому расположению и движению цепью, даже там, где белых не было (Сенгелеевская), наступление красных шло очень медленно и неуверенно. К тому же Балахонов все старался побудить к наступлению своего Бешпагирского «союзника».

Итак, план красных был — прямая атака Ставрополя от Татарки с глубоким обходом через Сенгелеевскую на железную дорогу Ставрополь-Кавказская, приблизительно на Михайловскую и удар от Бешпагира на Ставрополь. Мой план был — выдержать наступление Балахонова, дать ему измотать свои войска глубоким обходом по пахоте, и обрушиться 4-мя полками конницы на обходную цепь или на бешпагирского противника, если тот спустится с гор на ровную местность. Судьба решила иначе. Около 17 часов, когда я поехал к своему левому флангу, чтобы лично осмотреть, можно ли довериться пассивности красных в Бешпагире, красные Балахонова сильно насели на белую пехоту вдоль дороги Ставрополь-Татарки и заняли небольшой кусок этого леса. Случайно приехавший на эту дорогу Шкура не нашел ничего лучшего, как приказать броситься всему конному резерву в атаку на лес, — как могло прийти в голову офицеру, хоть немного посидевшему на юнкерской скамье, пустить партизанскую орду в конную атаку на лес, занятый противником, я до сих пор не понимаю. Белая конница, встреченная огнем из леса, моментально повернула назад, увлекая своим бегством и пехоту. Только на небольшом участке леса Солецкий прорвал красных и захватил грузовой автомобиль с орудием, его он при отступлении и вывез. Красные, увидев бегство частей белой пехоты, устремились через лес, и небольшой группой по нему, вышли в тыл остальной пехоте, и захватили тоже одно орудие. Таким образом, противники обменялись одним орудием. Когда я на автомобиле с одним пулеметом приехал на место боя, то Шкуры там уже не застал, он уже ускакал в Ставрополь. По всему фронту наступали густые цепи красных, белая конница исчезла в облаках пыли и карьером неслась в Ставрополь, следом за нею, бросая винтовки и амуницию, бегом спешила боевая пехота. Это было что-то кошмарное. Бой был явно проигран, резерва не было. Начинало смеркаться, было около 20 часов. Остальная пехота и конница собралась, как всегда, около 100 штыков. Часть добровольцев селения Донского разбежалась, казаки же остались, потому что им бежать было некуда — станицы их были у красных, поэтому они собрались у кухонь. Так всегда бывает в гражданской войне. Обозы я приказал вывести на север из Ставрополя и сосредоточить в районе Московское. Весь вопрос

теперь был в том, атакует ли противник ночью или с рассветом, или нет. Собрав конницу, я ночью же направил Солоцкого с тремя полками в направлении на озеро Сенгелевское с приказом, сбить фланг красных обходом, выиграть его, и, не ввязываясь в упорный бой, продолжать обход в тыл на ст. Темнолесскую с тем, чтобы партизанской конницей силою почти 200 шашек наводнить и прервать все пути подвоза красных, и нарушить их и без того плохое управление. Один кавалерийский полк был мною направлен от Ставрополя на Юго-Восток вразрез между Татарской и Бешпагиром, группами красных, тоже на Темнолесскую, но с тем, чтобы главным образом напугать и нейтрализовать красных в Бешпагире. Пехота собралась, заняла южную окраину города и выделила частные резервы. Яхнов всю ночь бросал двойным зарядом бомбы из бомбометов в лес, занятый красными, расстояние между цепями на окраине города и лесом было около 1200 шагов, местами меньше и, пользуясь огромным количеством бомбометов и снарядов к ним в Ставрополе, — Яхнов ухитрился двойным зарядом добрасывать бомбы в лес — это производило огромный эффект. К рассвету завязался бой на левом (западном) фланге красных, который от Сенгелевки подтянулся на половину расстояния к Ставрополю, чем облегчил задачу Солоцкого. К свету фланг красных был обойден, и три полка партизанской конницы наводнили их тылы. На остальном фронте красные бездействовали, ограничиваясь огнем всех видов. Перестрелка завязалась и в промежутке между Татарским лесом и Бешпагиром, в темноте были сбиты заставы красных, и фронт их был прорван. Бешпагирский отряд красных потерял всякую связь с Балахоновым (телеграф был давно испорчен сочувствовавшими белым казаками ст. Темнолесской), выставил часть цепей на юг и окончательно отказался от наступления. К 12 ч. 24 июля можно уже было сказать, что на этот раз Ставрополь спасен, и казавшееся бесповоротно проигранное сражение будет выиграно.

Во время этой ночи мне, кроме распоряжений, пришлось еще выдержать солидные препирательства с генералом Уваровым, помощником военного губернатора и замещавшим его ввиду его отсутствия. Он во чтобы то ни стало желал уехать из опасного Ставрополя, но один боялся попасться в не совсем спокойном тылу в руки красных, и поэтому настаивал на отходе всего отряда к селению Московскому с тем, чтобы там устроиться. Шкура же после своей неудачной попытки командовать войсками совершенно растерялся, и как всегда в таких случаях сказался больным и ни во что не вмешивался. Исполнить требование Уварова я не мог, не подвергнув города разграблению красных, и поэтому отказался исполнить его, впредь до приезда Глазенапа, который должен был быть и командующим войсками и губернатором, а Уваров был прислан только для ведения гражданской части, и потому по смыслу приказа в военную отрасль вмешиваться не имел права.

24 июля приехал Глазенап с Черноморским полком, таким образом, у белых оказалось 250 шашек в общем резерве.

Глазенап вступил в командование войсками, оборонявшими Ставрополь. Им были отданы все мои распоряжения — на будущее он распорядился следующим образом. Его начальник штаба полковник Яковлев должен был ведать только канцелярией военного губернатора и формированием отдельной конной бригады, начальником которой числился Глазенап. Шукура отзывался в распоряжение Глазенапа. Я был призван на должность Начштаба всех войск, оборонявших Ставрополь, пока дивизия, начштабом которой я состоял, находится в городе.

В виду того, что Глазенап был очень занят делами гражданскими по всему району, то он просил меня сосредоточить в моих руках всю оперативную часть. Уваров очень скоро ушел совсем из Добрармии. Технической частью штадива я поручил ведать полковнику Кушелеву. Таким образом, оперативная часть обороны Ставрополя фактически осталась в моих руках. Весь день 24 июля красные держались пассивно — действия партизан, очевидно, начинали сказываться, как оказалось потом, к вечеру — войска не получили продуктов и кухонь. Не успокоив своих малочисленных и еще деморализованных войск, я не рисковал 25 июля начинать атаку, пока партизаны не достигнут Темнолесской. Атака леса белой малочисленной пехотой на впятеро превосходящего противника, да еще не имея достаточного количества орудий (всего 2), снарядов и патронов могло кончиться потерей Ставрополя. 25 июля из Тихорецкой прибыло 2 орудия, и три из захваченных в Ставрополе было доставлено в строй, таким образом, образовалось 7 орудий. Ночью пришло донесение, что части партизан с обоих флангов вошли в связь друг с другом и захватили ст. Темнолесскую. Дорога Татарки-Барсуковская прочно занята Солоцким, точно также, как дорога на Армавир. На рассвете 26 июля Глазенап назначил атаку. Всю ночь белые вели бомбометный огонь, перед рассветом у красных начался переполох, белые атакующие части застали только бегущих и несколько убитых. Как потом оказалось (рассказ жителей д. Татарки), красные войска, не получая два дня продовольствия, и узнав, что они обойдены, устроили митинг, перебили часть командного состава «за измену», и хлынули на Невиномысскую. Балахонов с отрядом основных кубанских иногородних казаков занял высоты г. Недреманной-ст. Н. Екатериновка, остальные же 3–4 тысячи ставропольских мобилизованных рассеялись в разные стороны и частью попали в плен. Бешпагирский отряд спешно отошел в направлении на Высоцкое. Белое охранение выдвинулось к хут. Егорлыцким (около г. Недреманной) ст. Темнолесская, Бешпагир, Старомарьевка. За красными были пущены только разъезды. Истрепанный отряд белых стал залечивать свои раны и обучаться — беглецы стали возвращаться.

Итак, удержать город партизанским отрядом от почти втрое превосходящих сил противника все же оказалось возможным наперекор мнению командовавшего этим боем, т.е. меня. Я уже говорил выше, что страшно противился взятию Ставрополя, потому что предвидел непрерывные попытки красных, в будущем, вернуть город себе назад и знал

о той ужасной участи, которой подвергалось бы сочувственно встретившее белых население при обратном захвате Ставрополя красными. Только поездка в ставку Шкуры, уговорившего Деникина на этот опрометчивый шаг и категорическое приказание последнего, вынудили меня предпринять эту операцию. Действительно разброска сил была страшная — армия Сорокина² и Жлобы³ еще действовали и не только не были разбиты, а сами предпринимали наступления, часто ставившие Добрармию на край гибели. Кубань не была еще освобождена от красных, Армавир, Невиномысская и Баталпашинск были не в руках белых и Ставрополь, находившийся на отлете, был угрожаем со всех сторон, в особенности от Невиномысской и Св. Креста. Силы отряда Шкуры больше бы принесли пользы и могли бы лучше устроиться при очищении Кубани, не вызывая на бой новые силы Ставропольского Совнаркома. Красные, как в удельно-вечевой период давали бить себя по частям и этим надо было пользоваться, а не увлекаться призрачным величием обладания Ставрополем, т. е. областью вне Кубани и, следовательно, вне сферы влияния Кубанской рады, с которой у Деникина все время шла глухая скрытая борьба. Благодаря этой мании величия и начавшейся уже тогда внутренней вражды в Добрармии, был взят Ставрополь, потом в октябре потерян, и зря пролито много крови. Только в ноябре, по окончании очищения Кубани, Ставрополь был взят, и красные больше на него не покушались. Насколько закулисная сторона борьбы Кубанского кровавого (так в тексте, видимо — краевого. — А. П.) правительства с Деникиным играли крупную [роль] на все военное дело, доказывает нежелание атамана допускать иногородний элемент в казачьи части и желание Деникина во чтобы то ни стало их туда внедрить и совершенно изъять Кубанскую армию из ведения Кубанского правительства⁴. Тут сказалась *слабохарактерность* (выделено нами. — А. П.) Деникина — раз признав действия Рады вредной в борьбе с красными, так уже не мирволил и не уступал ей, тем более что ее члены потеряли свои полномочия, так как были избраны помимо фронтовых казаков, и теперь должны были быть другие выборы, а благодаря этому шатанию и «согласительству» получилась закулисная игра, дошедшая до того, что еще в августе месяце 18 г. Войсковой атаман полковник Филимонов, говоря со мной, старался проводить идею, что Кубанская дивизия (вторая) должна все предоставлять Раде и не передавать Добрармии захваченного у противника имущества. В том же духе вели беседы члены Рады, но прямо говорить не решались, а после того, как я притворился не понимающим и заявил о единой русской армии, то повели против меня подпольную интригу и только хорошее ко мне отношение простых рядовых казаков, делали их выпады безрезультатными⁵.

Итак, Ставрополь был удержан, но в этом главная заслуга красного командования. Можно сказать, что *в управлении красными войсками отсутствовало все положительное и выступало все отрицательное* (выделено нами. — А. П.). Первое, что бросается в глаза, это упорное уклонение Бешпагирского отряда от поддержки Балахонова — он в полном

смысле слова взял на себя роль зрителя и таким образом, в сущности, вывел 3000 штыков из строя. Балахонов же, пополнившись ставропольскими мобилизованными, растянул свои огромные силы в нитку, которая не могла маневрировать и безнадежно залегла перед окраиной города, потому что ожидала подхода отставшего и далеко вытянутого фланга у ст. Сенгелеевской. Позже, с появлением партизан у себя в тылу, управление, видимо, совершенно выпало из рук Балахонова и дело закончилось расходом главной части его войск. Общего начальника над Бешпагирским и Невиномысским отрядами у красных, видимо, не было, во всяком случае, он ничем себя не проявил.

Со стороны белых был крупнейший недочет, как в смысле первого употребления конницы атакой на лес, так и в почти полном отсутствии преследования потом. Но преследовать, пожалуй, действительно невозможно, по крайней мере, я не нашел ничего возразить Глазенапу, когда он отклонил мое предложение плана преследования. Войска действительно были и вымотаны и расстроены — можно было свободно ожидать, что они задачи своей не выполнят и только станут по деревьям вдали от нас на отдых и на досуге займутся грабежом местного населения. Так что пришлось согласиться, что надо собрать части, дать отдохнуть, выкормить лошадей, пополнить патроны, собрать беглецов и вообще привести в порядок и заняться дисциплинированием этой орды партизан. Кроме того, требовалось еще устроить и хозяйственную часть вновь сформированных частей — ведь если продолжать жить за счет населения, это приучит в сущности к грабежу и озлобит жителей. Вот почему преследование почти отсутствовало, уже если можно ожидать, что задачу все равно не выполнят, то уж лучше пусть сидят на глазах и устраиваются, чем грабить и, следовательно, разлагаться, да и самый факт возможности неисполнения приказа деморализующе действовал бы как на начальников, так и на казаков.

Дальнейшая защита Ставрополя

Потерпев поражение 23–26 июля, красные, обладая громадным превосходством сил и неистощимыми, в сравнении с Добрармией, средствами, быстро устроились, сформировали при помощи мобилизации, на старых кадрах, новые армии, и уже в первых числах августа вновь появились в окрестностях Ставрополя, угрожая самому городу. Не буду описывать происшедшие в начале августа боя, потому что по своей однообразной бледности они ничего поучительного не представляют, а характеризуются тем, что атакующие валили валом без всякой идеи операции, причем, если атаковал восточный отряд красных, то южный стоял и смотрел, видимо, ожидая выяснения обстановки, если же атаковал южный, то роль зрителя исполнял восточный. Таких атак до середины августа произошло

три — одна с востока и две с юга, и все три велись, точно по трафарету. Целью всех атак был Ставропольский форштадт, находящийся на юго-восточной окраине города и населенный фабричным и вообще населением, сочувствовавшим большевикам. Красные, видимо, надеялись поднять восстание в тылу обороняющихся белых, но ни одного восстания не произошло. Общности действий не было никакой. Со стороны белых действия сводились к коротким ударам то на одного, то на другого противника, чем удавалось затянуть начало его атаки, а иногда и вовсе ее ликвидировать, действия белых страшно стеснялись Ставрополем, и они были положительно к нему привязаны, не имея возможности развить достигнутый успех энергичным преследованием, потому что всегда рисковали тем, что пассивный отряд красных, против которого оставалось только наблюдение, перейдет в наступление, и займет Ставрополь в тылу у атакующих частей. Как я уже указал, три раза красным удалось подкатиться к самому Ставрополю, заняв два раза высоты у Татарки, а в третий раз дер. Надеждинскую. Во все эти критические моменты, Глазенапу приходилось обращаться за помощью к начдиву 2-й сводной ген. Боровскому⁶, ведшего бои с переменным успехом у Армавира, то занимая этот город, то вновь сдавая его красным. В такие критические моменты в Ставрополь по железной дороге из Кавказской приезжал Корниловский или Партизанский полки; с их энергичной помощью положение быстро восстанавливалось, и эти части немедленно уезжали обратно; все это доказывает, как неестественно широко были разбросаны силы белых и как их было мало для выполнения поставленных себе задач. Общая стратегическая обстановка в это время была следующая: Екатеринодар и Новороссийск были заняты белыми, но красным армиям удалось отойти к ст. Белореченская—Черниговская и прочно занять весь район Кубани от этих станиц до Терека, удерживая Армавир или его окрестности и часто угрожая Кавказской. Генерал Боровский вел изнурительную борьбу у Армавира и защищая Кавказскую, а Глазенап защищал Ставрополь.

Таким образом, Добрармия в августе владела только севером и западом Кубанской области и г. Ставрополем с его окрестностями, к северу от этого города. На Тереке против красных вспыхивали восстания казаков и горцев, образуя часто целые фронты, но все они ликвидировались огромным численным превосходством красных. Ликвидации эти производились с страшной жестокостью, на которую белые отвечали тем же — горе было попасться в руки белых какому-нибудь комиссару или члену совета, или кому-нибудь из комсостава, он не доходил даже до комбата. Рядовых же бойцов, если они доходили до «начальства», не трогали, а наоборот отправляли в запасные батальоны, и они потом великопно дрались, применяя часто ту же жестокость, что и казаки. Классовое расслоение шло полным ходом, борьба шла подсознательная в каждой деревне и станице, сознание часто затуманивалось проявлением анархии толпы, и кровь лилась с обеих сторон, как месть.

В августе в Ставрополь приехал новый начдив 2-й Казачьей Кубанской Улагай⁷. Это был в высшей степени честный и храбрый офицер, но без широкого военного образования, потом, когда он уже командовал армией, он не умел справиться с поставленными ему задачами. Во всяком случае, надо сказать, что как начдив кавалерийской Улагай был выше похвал — быстро схватывал обстановку, умел принять решение и провести его в жизнь. Никогда не терялся. В этом отношении Улагай стоял много выше Глазенапа, последнему отказать в личной храбрости нельзя, но как военный он был слаб и плохо знал строй. Это качество его он сам чувствовал, и потому старался держаться в стороне, не принимая личного решения и подписывая поднесенный ему начштабом проект приказа. В этих двух лицах всецело сказались их предыдущая служба. Улагай провел ее все время в строю, а Глазенап большую ее часть вне строя и никогда полком не командовал. Улагай же через все эти этапы прошел.

Назначение и приезд Улагая были вызваны полным разочарованием штаба Деникина в Шкуре. Его боевые операции, если он только вздумывал вмешаться, были плохи. Кутежи его в Ставрополе принимали гомерический характер. 250 тысяч рублей, пожертвованных горожанами Ставрополя отряду, исчезли неизвестно куда. И, наконец, Деникин отрешил Шкуру от командования и прислал Улагая. Надо отметить, что очень скоро Шкура, по настоянию Кубанской Рады, получил казачью отдельную бригаду (партизанскую), начштабом к нему назначен был Шифнер-Маркевич — очень талантливый офицер Генерального штаба, который и создал всю последующую славу Шкуры, который из Шкура переименовал себя в Шкуро.

Шифнер-Маркевичу пришлось очень много страдать со Шкурой, и в буквальном смысле слова за него командовать, ведя операции за свой страх и риск, часто при наличии самовольных отлучек Шкуры в глубокий тыл, и тогда, пожалуй, для него это было легче, потому что Шкура, если вмешивался, то только путал карты. Рекламирывать же себя Шкура умел всюду, и во время расцвета армии субсидировал газеты.

Приезд Улагая мало отразился на характере обороны Ставрополя, потому что он вступил в командование разбросанной дивизией, и все войска подчинены были Глазенапу. Мне пришлось продолжать исполнение обязанностей Начштаба при Глазенапе.

Бой под Ставрополем 18–21 августа 18 года

18 августа были получены донесения, что красные, силой до 20 тысяч человек (сведения эти могут быть преувеличены, потому что казаки всегда склонны были преувеличивать, а у страха глаза велики), выдвинулись от Св. Креста на Высоцкое и их передовые части завязали бой с белыми у Старо-Марьевки. В то же время силы красных от

ст. Барсуковской, подошли на подкрепление Балахонова к г. Недреманной, где сосредоточилось до 5 тысяч штыков. Попытки Балахонова спуститься с горы Недреманной были отбиты передовыми частями белых. Белые части у Старо-Марьевки принуждены были к вечеру 18 августа понемногу осадить назад. Утром 19 августа бой на высотах Старо-Марьевки возобновился, причем благодаря пересеченности местности, отличался большим упорством, потери с обеих сторон были ощутительны. Красные развивали сильнейший огонь, и, пользуясь подавляющим большинством сил, глубоко обходили белых по плато южнее Старо-Марьевки. Против обыкновения у красных был очень крупный резерв, который двигался по дороге от Высоцкое на Старо-Марьевку.

Приехав около полудня в Старо-Марьевку, я застал там уже полное отступление. Приходилось думать, как бы парировать интенсивное наступление красных и их глубокий обход целого правого (южного) фланга, который в дальнейшем грозил выйти в тыл частям, расположенным на высотах южнее Татарки. Тронуть конный резерв из трех полков было невозможно, учитывая наличие крупного резерва у красных и его направление на Старо-Марьевку, что угрожало в дальнейшем левому (северному) флангу белых. Поэтому я приказал по примеру прошлых боев снять все силы с Татарского фронта, оставив там только две конных сотни под высотами Недреманной и две сотни пластунов на высоте, что Юго-восточнее Татарки (г. Холодная). Эти последние две сотни могли служить таким образом, для действий как на восток, так и на юг. 3 сотни пластунов и 3 конные сотни, снятые с южного фронта, были направлены против обхода красных южнее Старо-Марьевки — им удалось к 17 часам остановить наступление красных на высотах у д. Надеждинской — здесь, таким образом, положение успокоилось, Балахонов вел редкую перестрелку с двумя конными сотнями белых.

Я поехал на высоты севернее деревни Надеждинской, т. е. к левому флангу. Здесь части белых осадили до объездной кругом города железной дороги, т. е. шагов на 2000 от его окраины и по насыпи заняли позицию. Тут же недалеко располагался пластунский батальон, присланный генералом Боровским в Ставрополь в предшествовавший бой, не введенный в дело и отъезд которого был теперь задержан, и наоборот вызван на позицию. Взобравшись на насыпь, я в верстах трех на пологом скате к Старо-Марьевке увидел красных, которые, развернувшись несколькими стоявшими друг другу в затылок цепями, окапывались, приблизительно на меридиане середины деревни Надежда; сколько глаз хватало, всюду двигались части красных, то же делалось на высотах, что южнее Надежды, видимо, красные решили вести «правильную» осаду, и потому занялись изнурительным и совершенно ненужным, в данном случае, рытьем окопов, устраивая целый плацдарм — от высот, что южнее Надежды до гребня за речкой севернее дороги Ставрополь-Старо-Марьевка. Когда я поехал посмотреть, что делается на этом гребне, то пришел в ужас. Весь гребень был покрыт красными (их бывший резерв), двигавшимися из Старо-Марьевки

и державшими направление на сел. Михайловское. Перед ними отходили отдельные разъезды белых. Двинутые мною против этой массы три полка конницы (последний резерв), чтобы, хотя до темноты задержать это наступление, достигли цели, и красные залегли уступом назад своих цепей у Надежды. Спустилась ночь.

Еще до темноты я проехал к Глазенапу и доложил ему, что без помощи и самой скорой, всех сил Боровского, удержать Ставрополь невозможно, и что, если с рассветом красные поведут атаку, то город попадет в их руки и белые войска будут, в полном смысле слова, раздавлены. Поэтому я предложил донести эту обстановку в ставку с объяснением всего изложенного выше. Вывести обозы из города. Ночью небольшими партиями пехоты произвести ряд демонстративных атак на красных и продолжать их до рассвета. Ночью увести резервный пластунский батальон в город, и когда станет светло, цепями провести его на старое место, открыв одновременно сильнейший орудийный огонь, чтобы убедить красных, что мы сами хотим атаковать. Глазенап добился приказа, что генерал Боровский со всей дивизией должен быть переброшен в Ставрополь. Общая обстановка этому благоприятствовала, потому что он у Кавказской и Армавира только что был сменен 3 дивизией Дроздовского⁸. Мой план действий был принят, но надо было еще выиграть целые сутки, т. е. весь день 20-го августа, чтобы дожидаться приезда Боровского и его частей.

Всю ночь красные поднимали беспорядочный огонь против белых демонстраций и, судя по их расположению, на рассвете всю ночь не спали и просидели с винтовкой в руках (даже главные силы, потому что охранение, секреты и посты отошли под давлением белых демонстрантов). Теперь трудно сказать, что повлияло на красных, но факт тот, что их командование подарило белым целые сутки — в то время, как им стоило только протянуть руку, чтобы взять Ставрополь, почти без потерь и в буквальном смысле, раздавив его защитников, число которых потонуло бы в огромной численности красных, но их командование бездействовало. Весь день 20 августа шла редкая перестрелка орудийным огнем, которую со стороны белых поддерживали главным образом, бронепоезда с дальнобойными орудиями, стреляя по тылам красных.

Боровский опаздывал. За ночь прибыл только один Корниловский полк с генералом Череповым⁹, железная дорога не могла справиться с поставленной ей задачей. На рассвете красные зашевелились для их удержания на Надеждинском направлении, корниловцы прямо с вокзала были направлены к деревне Надежда. Руководство боем, по приказу Боровского, перешло к его комбригу Черепову, Улагай и, следовательно, с ним я, оставались руководить южным фронтом. Глазенап отошел к гражданской части. На севере красные сбили конницу белых, действия которой объединял посланный мною из штадива полковник Кушелев, потому что опытных кавалеристов, кроме него, не было (Солоцкий был накануне убит под Недреманной). Сбив конницу, красные заняли сел. Михайловское и взяли под огонь железную дорогу. Боровскому со всеми остальными частями дивизии

пришлось высадиться на ст. Пелагиада и, сдержав красных, бросить конницу Кушелева (3 полка) в обход красных между Михайловской и Дубовкой. Красные остановились — неожиданная помощь белым их, видимо, озадачила и охладила их порыв. Между тем Черепов тоже растянул свои силы по опоясывающей город железной дороге и красные, наступавшие с горы Бешпагира на юго-восточную окраину Ставрополя, сбили правый фланг корниловцев и клином врезались в этом месте в расположение белых и ворвались в город (форштадт). На остальном фронте цепи красных медленно приближались к расположению белых, сильно сдерживаемые их огнем. На Южном фронте Ставрополя спустились с горы Недреманной и, наступая вдоль дороги на Ставрополь, заняли хутора Егорлыцкие (8 верст юго-западнее Татарки). Наступали они медленно, цепями ведя перестрелку с двумя конными сотнями белых. Таково было положение к 11 часам. 21 августа Черепов совершенно растерялся и заявил стоявшему около него (теперь только зрителем) Глазенапу, что надо очищать город. Улагай и я стояли тут же, тоже в роли зрителей. Тогда я предложил Улагаю снять с нашего южного фронта обе пешие сотни войскового старшины Русанова с одним, бывшим при нем орудием и бросить их с восточной окраины Татарки (г. Холодная) в тыл красным, ворвавшимся в форштадт Ставрополя. Возможность этого действия я мотивировал тем, что Балахонову до Татарки еще 8 верст, а до Ставрополя 16, т. е. он двигаясь в цепях и ведя перестрелку, дойти до Ставрополя сегодня еще не успеет. Конницу красные имеют в ограниченном количестве, совершенно необученную и потому действующую крайне пассивно и ограничивающуюся только разведкой, да и то плохой, так что мы будем иметь время исправить положение на южном фронте, а теперь надо ликвидировать восточный. Улагай с этим согласился и разрешил. Черепову было сказано, чтобы он продержался час во чтобы то ни стало и, чтобы заткнуть дыру и задержать красных в форштаде, туда было послано 10 ординарцев штадива 2 казачьей Кубанской (ординарцы и адъютанты).

Получив приказ, Русанов двинулся в тыл красным, ворвавшимся в Ставрополь. Атаковать с двумя сотнями такую массу красных он не решился, но огонь своим орудием прямой наводкой, и ружейный, открыл. Обстановка сразу изменилась, у красных началась паника — все, конечно, было в цепях равномерно всюду, желая все прикрыть и все атаковать, резерва никакого. Все бросились назад, сейчас же этим заразив соседей, и скоро все поле к востоку от Ставрополя покрылось бегущими. Картина дополнилась тем, что Кушелев обошел Михайловку, и пошел по тылам красных. К 15 часам на восточном фронте не было ни одного сопротивляющегося красноармейца, вся эта огромная масса бежала без оглядки, кто куда — мобилизованные разбежались по домам, кадры покрыли за день 21 августа более 60 верст, достигнув селения Круглолесское—Сергеевское—Высоцкое. Эта армия перестала быть боевой единицей, растеряла артиллерию и обозы, и стала насчитывать около 3–4 тысяч человек, очистивших линию Круглолесское—Сергеевское—Высоцкое под давлением разъездов белых, достигнув этой линии 22 августа к вечеру.

Красные отошли на Святой крест. Балахонов передовыми частями достиг высот южнее Татарки, но узнав о погроме восточного отряда красных, постепенно, без давления белых, откатился на г. Недреманную, мобилизованные и от него, должно быть, разбежались, и его отряд на г. Недреманной стал насчитывать около 3, а то и меньше тысяч человек. Дивизия Улагая (с ней и я) вышла из состава ставропольского гарнизона, и была послана на Высоцкое — Святой крест преследовать красных. Боровский принял командование войсками в Ставрополе и занялся ликвидацией Балахонова, которого белые части стали тщетно осаждать на неприступных высотах Недреманной. Белые заняли ст. Николаевскую на Кубани и ст. Ново-Екатериновскую в 17 верстах южнее г. Недреманной. Первая защита Ставрополя закончилась.

*Слащов.
26.04.25 г.*

Период с 28.07. по 23.10 1918 года. Операция против г. Недреманной (общая обстановка)

Как я уже указал выше, 2-я Кубанская Кавказская дивизия Улагая, в которой я состоял на должности Начштаба — выступила для преследования отходящих красных на Святой Крест. По дороге приходилось все время встречать разбежавшихся из отступавшей армии мобилизованных. Происходила постоянная картина гражданской войны. Если какая-нибудь сторона отходила, то нестойкий элемент из жителей покидаемого района дезертировал, а так как нестойкого элемента всегда большинство, то отходящая сторона таяла не по дням, а по часам. В данном же случае красные отходили в полном беспорядке, и потому эта утечка еще усиливалась. В данном вопросе играло еще крупную роль, то, что, несмотря на происходившее в населении классовое расслоение, непосредственные начальники обеих сторон, видимо, этого не учитывали и производили мобилизацию огульно — белые — казаков, красные — иногородних и крестьян, поэтому с обеих сторон было много подневольного, а часто враждебного элемента. Это полностью сказывалось в данном случае, и Улагаю пришлось отправлять огромные партии дезертировавших из Красной армии на укомплектование Корниловского и Дроздовского полков¹⁰. Так как села к востоку от Ставрополя — очень зажиточные, то благодаря происходившей подсознательной классовой борьбе, этот элемент оказался наилучшим в смысле боевых качеств. Ни Улагай, ни я, конечно, тоже не учитывали происходившего расслоения, так как в марксизме ничего не смыслили, но благодаря тому, что бедняцкого элемента было мало, действия эти вышли удачными для белых.

Под Недреманной происходили бои: Боровский тщетно атаковал Недреманную, выделив для этого крупную часть своих сил — 3 пластунских батальона, 2 полка пехоты и 2 полка конницы, и действуя против района Армавира остальными. 27 августа в Высоцком меня нагнал приказ Деникина о назначении меня начальником 1-й Пластунской отдельной бригады. Таким образом, мое желание скорее вернуться из штаба на строевую должность исполнилось. Дело в том, что штабной службы я никогда не любил, но тут должен был ее принять за отсутствием в Доброармии офицеров Генштаба, теперь же в связи с ее успехами и расширением района, генштабисты стали прибывать, и мне явилась смена. Одновременно я получил приказ Боровского срочно выехать в Н. Екатериновку и принять командование группой, оперирующей против г. Недреманной (ст. Н. Екатериновская на карте названа хут. Темнолесским, г. Недреманная находится между Татаркой и Барсуковской, западнее южного изгиба шоссе — на 1 сантиметр северо-восточнее Равнинка). 29.8. я уже осмотрел положение красных, своих войск и местность. Гора Недреманная представляет собой горный массив с крутыми обрывами на юг, восток и север, западный склон к ст. Николаевской более доступен и полог. Общее протяжение г. Недреманной вдоль Кубани — около 20 верст, а вдоль дороги Барсуковская-Татарка — около 7 верст. Часть горы Недреманной, прилегающая к дороге Барсуковская-Татарка, соединяется с остальной горой только узкой перемычкой, с остальных же сторон она окружена крутыми скатами — более пологими к ст. Барсуковской, куда ведет проселочная дорога. Вот на этом пространстве с 7-верстным радиусом засел Балахонов с 3000 человек, с остальной горы он был вытеснен. Покинуть гору Недреманную красные не хотели, потому что тогда они теряли переправу через Кубань у ст. Барсуковской и ставилась под угрозу переправа в ст. Невинномысской, где проходила железная дорога на Терек и Южный Кавказ. С падением горы Недреманной и следовательно ст. Барсуковской весь берег (правый) Кубани от этой станции, у которой Кубань делает поворот на юг и становится, так сказать, по меридиану до Армавира, попадал в руки белых, после Армавира оба берега были в руках белых.

Стратегическая обстановка в это время была следующая. Немцы продолжали занимать Украину и имели под своим протекторатом Донскую область. Краснов и Колчак вели упорную борьбу с Советской властью на Севере (Донская область) и Северо-Востоке (Сибирь), о союзниках еще не было никаких точных сведений, и сведения-то эти были чисто случайного характера. Кубань не была еще освобождена, и район на юго-восток от ст. Армавир находился в руках красных войск. Железная дорога Кавказская-Екатеринодар была в руках белых.

Предстояла борьба за обеспечение района Ставрополя и к северу от Армавира, и овладение районами Свято-Крестовским, куда был направлен Улагай, и Кубанским (юго-восток от Армавира) и кубанским железнодорожным мостом через Кубань у Невинномысской, и выше по реке лежащими станицами с главным центром отдела — Баталпашинском. Для

этого с запада со стороны Екатеринодара действовали части Кутепова, Врангеля и Покровского у Армавира, 3-я сводная дивизия Дроздовского и от Ставрополя 2-я сводная дивизия Боровского с моей 1-й отдельной бригадой. Во всех местностях, занятыми белыми, шли ускоренные формирования новых частей и запасных. Охрана занятых отделов лежала на этих частях, а также на сформированных казачьих полках и батальонах третьей очереди. Кубань представляла собой как бы вооруженный лагерь. Довольствие Добрармии все еще носило случайный характер, потому что подвоза еще не было ниоткуда, и если удастся получить патроны и снаряды от Краснова или захватить их у красных, то хорошо, а нет — так заставлял ужасающий патронный голод. То же самое касалось и вооружения. В среднем, если бывало по 35–50 патронов на винтовку и 15–20 снарядов на орудие, то часть считалась патронами вполне обеспеченной. В смысле продовольствия армия была обеспечена, потому, что Край был богат всем, то же самое надо сказать о лошадях и фураже. В смысле же одежды, обуви и снаряжения — положение было очень плохое — притока не было никакого, поэтому каждый был одет кто во что горазд и брали его от местного населения, и постоянно разували убитых и раненых и пленных. Скучные денежные средства доставались налогами и пожертвованиями городской буржуазии. Во всяком случае, жалованье выплачивалось, хотя и в очень ограниченных размерах.

Бой под г. Недреманной 30 августа – 31 августа 1918 года

Как я уже сказал, я прибыл в ст. Н. Екатериновскую 29 августа и потом поехал осмотреть местность и положение войск. Силы белых охватывали расположение Балахонова на вышеописанном 7-ми верстном (49 квадратных верст) плато тонкой ниткой и были слабее его сил, потому что численность батальонов и полков равнялась 150–200 штыков или шашек. Все же у белых было большое преимущество в артиллерии — 10 против 4, и в особенности 2–6-ти дюймовые гаубицы, стоявшие на продолжении г. Недреманной на запад от Балахонова, наносили его расположению большой урон. Особый Пластунский батальон наступал с северо-запада, остальная пехота была сосредоточена в ущелье Татарско-Барсуковской дороги.

Два полка конницы были направлены к западу от г. Недреманной. Местность я знал, и тем более осмотрев ее, пришел к заключению, что атака открытой силой будет стоить огромных жертв и успеха не даст. Потому что г. Недреманная, кроме узеньких перемычек дороги и ее соединения с остальным массивом горы, всюду давала крутые обрывы, подойти к которым можно легко и почти без потерь, и таким образом очутиться шагах в 800 от красных, но дальнейшее влезание по отвесным скалам под огнем было невозможно. Боровский настаивал на скорейшей атаке открытой силой и приехал сам. Я ему

доказывал невыгодность этого предприятия, и указал, что положение Балахонова наверху, не скрытом плато, почти лишенном леса, невеселое. Днем жарко, а вечером холодно, кроме того, единственные ключи, из которых осажденные могут получать воду для питья, находятся на скате в ущелье дороги в роще шагах в 800 от вершины — вот взять эти ключи я берусь, и тогда Балахонов и суток не просидит в своей крепости. В конце концов было решено, что мне разрешается вести главную атаку на ключи, но все-таки попытаться ворваться со всех сторон на плато.

В 6 часов утра 30-го августа началась атака г. Недреманной и в 10 часов пластуны 6-го и 2-го пластунских батальонов овладели рощей с ключами. До сего времени потери белых были ничтожны, потому что крупный склон давал много пространств и пули, падавшие с почти отвесной стены, имели ничтожное поражаемое пространство. Особый батальон, попытавшийся атаковать эти обрывы с северо-запада, понес около 50 человек потерь убитыми и ранеными и залег, но дело свое он сделал, так как отвлек внимание Балахонова от пункта главной атаки — ключей. С 10 часов бой утих, и я стал выжидать результатов, которые быстро сказались. Конницу я спустил в долину р. Кубани, чтобы иметь под ударом путь отхода Балахонова на Барсуковскую. К темноте к дороге его отхода был сосредоточен в резерв Ставропольский офицерский полк, а оба конных полка должны были нести охранение в долине р. Кубани. Люди Балахонова пали духом и начали перебежать к белым, прося воды и пощады. Я уже считал, что мне удастся захватить весь отряд, но судьба решила иначе. Ночью Балахонов всей массой устремился по крутым откосам к ст. Барсуковской, бросив все повозки, кухни и т.п. на плато и в бурную ночь прошел незаметно, белая конница, видимо, спала и его прозевала. Правда, ночь была очень подходящая и благоприятствовавшая побегу, но все же работа конницы белых была ниже критики. Отход Балахонова заметила стоявшая сбоку в резерве пехота и открыла огонь, но, конечно, догнать не могла. Балахонов разрозненными группами устремился на ст. Барсуковскую. Ночью же я развил преследование и части белых на плечах Балахонова на рассвете (еще в сумерках) ворвались в Барсуковскую. Красные, защищавшие ст. Барсуковскую, не могли разобрать, где идут отступающие балахоновцы, а где идут белые, и не знали, по кому стрелять. Эта неразбериха, как всегда в таких случаях, кончилась паникой, и красные бросились бежать, очистив станицу, прикрывавшую мост. Часть их спаслась через Кубань, часть бежала на Ольгинскую и Невиномысскую, а часть даже совсем на восток на Дворцовые хутора (Голосуповка). Наступило затишье до Невиномысских боев. Белые владели всем правым берегом Кубани вплоть до поворота Кубани на юг к Невиномысской. Железная дорога стала находиться под угрозой возможного удара белых, как прямо на Невиномысскую, так и через Кубань на фронте Николаевская-Барсуковская. Отряд Балахонова как-то растворился между другими частями красных, а частью разбежавшись и пленными. Сам Балахонов куда-то бесследно исчез, и о нем я больше ничего не слышал.

Это было довольно странно, потому что среди красного командования, с которым до тех пор приходилось встречаться, он был наиболее талантливый, и хотя, видимо, достаточной подготовки не имел, но имел природные дарования.

Невиномысская операция

С падением горы Недреманной и переправы ст. Барскуковской, начинаются бои за железнодорожный мост у ст. Невиномысской, навязанные Боровскому директивой ставки. *Приходится поражаться тому стремлению к невероятной разброске сил и обширности, почти невыполнимых задач, к которым стремился Деникин. Все время дело Добрармии висело на волоске — не было ни одной хорошо обдуманной и правильно проведенной в жизнь операции — все стремились к грандиозным проектам и строили все надежды на успех, на полной военной безграмотности красных начальников, и на взаимных внутренних раздорах совнаркомов, совдепов и комсостава.*

Стоило бы только красным помириться между собою и провести правильную политику, а в красных войсках появиться во главе их талантливого и военно-образованному человеку, чтобы все планы белой ставки рухнули, как карточный домик, и дело восстановления России через Доброармию потерпело бы немедленную неудачу (выделено нами. — А. П.). Действительно, стратегически было важно перерезать железную дорогу с южного Кавказа в Армавирский район, и тем сделать пребывание красных в нем затруднительным, но при наличных силах у генерала Боровского этого можно было достигнуть только высылкой партизанской конницы в район Невинномысская-Курсавка, которая бы сделала бы движение поездов по железной дороге невозможным и прервала бы всякое питание боевыми припасами Армавирского района. Вместо этого на ничтожные силы Боровского всего в 3–4 тысячи конницы и столько же пехоты, считая и запасные и формирующиеся части, была возложена задача прикрывать Кубань от Армавира до Барскуковской, овладеть и удерживать ст. Невиномысскую и прикрывать эту операцию и район Ставрополя-Торговая от возможных наступлений красных с востока. Принимая во внимание десятикратное превосходство сил красных и местность у Невиномысской, эта задача становилась безусловно эфемерной. В помощь этой операции и для замыкания окружения красных, к Баталпашинску в сентябре была послана вновь сформированная бригада под командой Шкуры (назначенного под давлением Кубанской Рады (сам член Рады). И это назначение было довольно оригинально. После обнаружившихся «странных» комбинаций Шкуры с деньгами пожертвованных г. Ставрополем Доброармии, Деникин оставил Шкуру не у дел и сам, при мне, в присутствии Глазенапа и Романовского¹¹ в Ставрополе сказал такую фразу: «Черт знает, что наделал этот проходимец», и эта фраза была сказана громко и вовсе не

только при доверенных лицах. И что же, меньше, чем через месяц Шкура получает самостоятельную задачу в районе Баталпашинска, где он может широко проявить свои «партизанские» способности. В стратегическом же смысле попытка окружения более сильной армии в районе Армавира с целью ее захватить, конечно, не выдерживала критики, а для того, чтобы вынудить ее уйти, было достаточно перерезать ей питание партизанами и давить с фронта. События наказали Доброармию за возложение на себя эфемерной задачи огромными потерями и временной потерей Ставрополя и угрозой Торговой — Красная же армия все же беспрепятственно вышла из окружения. И это тогда, когда командование хромало на все четыре ноги, так что только талантливый прорыв ее через Ставрополь на Св. Крест и дальше на северо-восток вывел ее из неминуемого распада, при партизанских же действиях белых с крупными резервами этот прорыв мог не удасться.

Мне была поручена охрана реки Кубани от брода на середине расстояния между ст. Николаевской и Барсуковской, защита высот Ново-Екатериновской с юга и востока и подготовиться к взятию Невиномысской. Для этой цели в моем распоряжении находились 6 и 12 пластунский батальоны, партизанский (впоследствии названный Алексеевским) Ставропольский офицерский полк — всего около 1000 штыков и полк конных казаков в 250 штыков при 6 орудиях. Правда, части уже более или менее сколотились, были в руках своих начальников, которых стали уважать и полюбили, следовательно, были боеспособны.

Местность около ст. Невиномысской представляла собой ровную низменную долину р. Кубани, окруженную высокими обрывистыми горами, к северу от станицы, в 14 верстах от нее, долина эта окаймлялась хребтом Недреманной и Ново-Екатериновки, представлявшим собой естественную позицию против Невиномысской, как раз на середине расстояния находится маленькая продолговатая с востока на запад овальная горка, точно специально созданная для позиции охраняющих частей, над Невиномысской (не разборчиво. — А. П.) Ново-Екатериновки она командует, а в сравнении с гребнем Ново-Екатериновки она так же ничтожна, что позволяет через себя видеть Невиномысскую из Ново-Екатериновки. К востоку от Невиномысской по обеим сторонам желдороги на Минеральные воды с востока на запад тянутся два гребня, командующих над станицей, в особенности южный, подходящий близко к станице и распространяющийся на юг, постепенно снижаясь к Баталпашинской. Высоты эти покрыты отдельными перелесками и сильно изрыты оврагами. На юг от Невиномысской тянется долина Кубани, а на запад — опять гребень, подходящий версты на три к реке (левый берег) и снижающийся к железной дороге, идущей на Армавир, а дальше к реке к ст. Барсуковской местность открыта и слегка всхолмлена. Как видно из описания местности, сама Невиномысская выгод для обороны не представляет и прикрывается только с запада р. Кубанью и то на другой стороне, имеется командующий гребень, но местность между ним и рекой покрыта протоками,

кустарником и болотами. Со всех же других сторон Невиномысская выгодным ударом доступна. И вот эту-то станицу собирались удерживать, не овладев высотой на юго-восток от нее. (Гребень Козинка).

Бои под Невиномысской. 8 сентября 1918 года

Неделя после боя под г. Недреманной прошла в разведке, устройстве и отдыхе войск. На 8 сентября я получил приказание направить свой левый участок генерала Бурневича (офицерский полк и 12 пластунский батальон) для атаки Невиномысской — мои указания, что противник против Барсуковской и Ольгинской сильно шевелится — делу не помогли. Генералу Бурневичу было приказано наступать. В районе овальной высоты я оставил в резерве партизанский полк. На рассвете Бурневич со своими силами направился на Невиномысскую, охватывая ее с востока — ничтожное количество его сил потонуло в обширной местности. Одновременно мне пришлось лететь к Барсуковской, где красные начали наступление, что вывело бы их в тыл белым войскам. Огромное сравнительно расстояние между обоими участками боя без железнодорожной связи совершенно не позволяло личного руководства, а оставило за мной только общее руководство. И то приказ Бурневичу задержать атаку впредь до выяснения дела у Барсуковской к нему опоздал. А положение создалось такое, что успех белых у Невиномысской отнюдь не влиял на действия красных у Барсуковской, потому что у них был совершенно сторонний и безопасный путь отхода к своим по станциям железной дороги между Невиномысской и Армавиром; успех же красных у Барсуковской ставил Бурневича между двумя огнями с запада и востока (Курсавка-Барсуки) и угрожал его тылу. К счастью, есаул Мезерницкий быстро справился с красными у Барсуковской, и я имел возможность выехать к Мезерницкой, но тут я уже застал бегущие части. Оказалось, что атака Бурневича шла удачно, красные стали постепенно отходить, и он уже чуть не ворвался в станицу, но тут появился бронепоезд и части красных со стороны высоты к юго-востоку от Невиномысской — поднялась паника, и отряд Бурневича в буквальном смысле слова бросился врассыпную. Партизанским полком, вовремя подоспевшим с Барсуковского участка, была ликвидирована всякая попытка красных к преследованию. Беглецов же пришлось собирать к кухням, расставленным на Ново-Екатерининской позиции. (Естественно, к кухням придет большинство). Все же часть офицерского полка, у которого кухни были в станице Темнолесской, ухитрились промахнуть до ст. Темнолесской, где их нашли через два дня. Потери были ничтожны, но морально огромны, а два дня из-за беглецов казались подавляющими. Оказалось потом, что еще удачно, что Бурневич не успел ворваться в станицу, и партизанский полк из-за событий в Барсуковской был мной

задержан и потом наступал уступом сзади, потому что иначе красные, густо высыпавшие из-за Козинской высоты во фланг и тыл Бурневичу — прижали бы его к реке. Так неудачно кончилась первая атака на Невиномысскую, предпринятая прямо-таки смехотворно-ничтожными силами и совершенно не обеспеченная с флангов. Два дня Боровский беспокоился, что красные атакуют в свою очередь, но те держались пассивно и при наличии занятой белыми Барсуковской атаковать с юга Ново-Екатериновки не решались, и с востока силы красных были отброшены действиями Улагая в районе Александровская-Круглолесская.

11 сентября красные от Невиномысской потеснили сторожевое охранение белых у овальной высоты. Я отнес охранение к самым окопам у Ново-Екатериновки, потому что выдвижение крупных сил красных вперед на открытую местность было мне только выгодно, так как позволяло точно наблюдать их тылы и всю их дневную жизнь. Атаки же Ново-Екатериновки с юга я не особенно боялся, благодаря естественным свойствам этой позиции и наличия сил у Барсуковской, и у меня в резерве Партизанского, Корниловского и Офицерского полков (корниловцы только что прибыли в Ново-Екатериновку). Атака красных сулила мне крупный успех. Но приказано было атаковать белым, и мои надежды на удачный контрманевр при атаке противника не сбылись. Поражение 8 сентября не давало покоя Боровскому, на которого давила ставка, и тут еще проявление деятельности и выдвижение вперед красных. И вот на 15 сентября была назначена новая атака почти всеми силами дивизии, которой руководил сам Боровский. На военном совете 14 сентября, состоявшемся в Ново-Екатериновке, из которой вся местность была видна как на ладони — (Боровский был страшный любитель военных советов — этого вреда для каждой операции) было решено наступать с фронта 6-м и 12-м пластунскими батальонами, а колонной из Корниловского и партизанского полков наступать в обход через хутора Дворцовую и высоту [?], что восточнее Невиномысской и севернее железной дороги, на Невиномысскую же, выделив охраняющие части для обеспечения от удара со стороны Козинки. В Барсуковской оставался Мезерницкий с 2-мя сотнями 6 батальона и Бурневич с офицерским полком, став на западной части Недреманной, должен был охранять переправы западнее Барсуковской. На меня возлагалась задача командовать обходной колонной из корниловцев и партизанского полка. Выступить надлежало с вечера, чтобы занять Голопузовку на рассвете.

Бой у станции Невиномысской 15 сентября 18 года

К рассвету 15 сентября белые заняли расположение, указанное выше, выдвинув ночью вверенную мне колонну к хуторку севернее д. Голопузовки — против ее середины.

Красные занимали гребень, что южнее Голопузовки и восточнее Невиномысской, переправу у ст. Ольгинской и ст. Невиномысской. Общая численность красных была около 6–7 тысяч человек (за точную численность красных частей — не ручаюсь), а белых около 2,5 тысяч человек (считая и конный казачий полк, прикрывавший операцию с востока, но непосредственного участия в бою не принимавшего, корниловцы, пополненные бывшими красными, были в составе 1000 штыков). К рассвету передовые части моей колонны стали подходить к Голопузовке. Весь гребень за этой деревней был усеян красными. В расстоянии двух верст от них при первых орудийных выстрелах они поспешно стали отходить к своей великолепной позиции — Невиномысской. Белые быстро взобрались на гору.

В боевой части шли корниловцы, а партизанский полк в резерве. В это время на горах поднялся такой туман, что буквально в двух шагах ничего не было видно. Нечего было и думать идти цепями — да я и против этого — обстановка помогла провести свою мысль частями, пришлось сомкнуться, имея впереди дозоры. Были потери от падавших по площади снарядов. Только благодаря строго ограниченному (слово пропущено. — А. П.) обрывали плато, по которому приходилось двигаться. Белые не сбились с пути, и правильно вышли на железную дорогу восточнее Невиномысской в непосредственной близости от станции. Высота Козинки (юго-восточнее Невиномысской) была с налета занята батальоном корниловцев. Бронепоезда (самодельные), двинутые красными от Курсавки, отброшены и началось беспорядочное отступление красных через мосты на левый берег Кубани. Красные отошли настолько быстро, что 12-й и 6-й пластунские батальоны, которым предстояло идти через овальную высоту, далеко отстали. Потери обеих сторон были ничтожны — у красных было, наверное, много разбежавшихся.

Одержав эту победу, Боровский не имел возможности ни развить, ни даже закрепить ее. Случилось то, о чем я его предупреждал перед боем. Красные стали наступать от Святого Креста на Высоцкое, тесня Улагая, и настолько интенсивно, что Боровскому пришлось спешно взять Корниловский и Партизанский полки и идти к коннице, которая естественно одна без пехоты долго удерживать врага не могла. Тут опять сказалось отсутствие общего управления у красных: если бы оба наступления от Невиномысской и на Высоцкое были произведены одновременно, а Невиномысский отряд зря бы не сидел целых два дня на овальной высоте и у Голопузовки, а Высоцкий не опоздал бы, положение белых в Ставропольском районе стало бы критическим: кроме того, бой 15 сентября еще раз подтвердил, что милиционные войска того времени для обороны не были пригодны, и будучи, хотя и сильнее, не могли выдержать вида наступающего врага с расстояния 2-х верст.

Итак, я с двумя пластунскими батальонами, ставропольским офицерским полком и одним казачьим полком, остался охранять линию от брода между Николаевской и Барсуковской, ст. Барсуковская, брод у Ольгинской, ст. Невиномысская, станция Барсуки-деревня Голопузовка, ст. Н. Екатериновка, дер. Бешпагир исключительно, итого 500 штыков

и 250 шашек при четырех орудиях должны были защищать 100-верстную линию с далеко выдавшимся вперед и неудобным Невиномысским районом. Связи телеграфной и почтовой почти не было. Все было испорчено боями. Оставив по приказу Боровского в Невиномысской полковника Яхнова с 6 сотнями пластунов, я поехал в Голопузовку, чтобы осмотреть расположение там конной сотни, а потом в Ново-Екатериновку, чтобы быть в центре управления (был телеграф и телефон, хотя часто портившийся, но все же иногда действовавший в обзор на десятки верст) своего трагикомического расположения.

17 сентября началась одновременная атака красных, на мой правофланговый брод, на ст. Барсуковскую, переправа у Ольгинской и ст. Невиномысскую. Резерва не было никакого. Ни маневрировать, ни помочь участкам я не мог, поэтому решил оттянуть свое расположение на г. Недреманную — Н. Екатериновку, удержав которые и получив подкрепления, я всегда мог, в любой момент нанести чувствительный удар красным и восстановить прежнее положение. На правом фланге отход прошел великолепно – планомерно и спокойно, к Невиномысской же мой приказ опоздал, и отряд Яхнова принял неравный бой: меньше через час эти шесть сотен бежали врассыпную. Кое-как одной конной сотней от Голопузовки ее движением во фланг красных я остановил преследование и занял линию Недреманная — Н. Екатериновка. Красные атаковать не решились. Тем временем Боровский и Улагай справились с противником у Высоцкое, и Корниловский партизанский полк стал перебрасываться в Н. Екатериновку. Сюда же утром 20 сентября приехал Боровский. Новая атака Невиномысской была назначена на 21 сентября. Прибыло три аэроплана для разведки и бомбометания (эти аэропланы перелетели к Доброармии от красных с севера).

Бой под Невиномысской 21 сентября 1918 года

На 21 сентября план наступления оставался прежним, с той разницей, что я должен был командовать пластунскими батальонами, морально сильно пострадавшими 17 сентября и наступавшими по-прежнему с фронта; мне был дан особый наказ, чтобы батальоны не опоздали бы к бою, как это было 15 сентября. К 10-ти часам я должен был подойти к самой Невиномысской, налетчики должны были забросать бомбами станцию. В 6 часов утра началось наступление. Утро было туманное. Войдя в связь с обходной колонной корниловцев и партизан, и убедившись, что они надежно своим движением обеспечивают меня с востока — я решил решительное наступление — красные чересчур поспешно поддались, и я на их плечах в 8 часов ворвался в станицу, перерезал им пути отступления к мосту, заходя плечом вдоль реки. У моста, бывшего в тылу у красных, разгорелся упорный бой, сделавшийся особенно кровопролитным с подходом корниловцев и партизан.

Красным приходилось бежать через мост под ружейным и пулеметным огнем белых, потери их были огромны. Дело кончилось тем, что красные потеряли не только станицу и мост, но и плацдарм в 5 верст западнее железнодорожного моста. В это время прилетели летчики и забросали корниловцев и партизан бомбами. Не помогали ни махание белыми простынями, ни другие сигналы, так что пришлось огнем отбить яростную атаку своих летчиков, нанеших белым и жителям чувствительные потери (корниловцы потеряли 25 человек). Невиномысская была занята. Корниловцев и партизан оставили в моем распоряжении и мне поручили защиту станции и моста. Следующие дни красные производили яростные атаки на Невиномысскую с трех сторон (левого берега — главные и с юга, вдоль реки и с востока — с высоты Казинки вспомогательные), но все эти атаки были отбиты. Мне было поручено помочь бригаде Шкуры пройти на юг в район Баталпашинска. Тут я познакомился с Шифнер-Маркевичем, начальником штаба Шкуры. Он остался начштабом у него и потом — при командовании корпусом. Это был высокообразованный, дельный и храбрый офицер. Он всем и руководил у Шкуры, который ни во что не вмешивался, занимаясь своей партизанской специальностью и поставляя подарки из захваченного добра начальствующим лицам. В этом отношении Шкура, Покровский и Мамонтов¹² друг с другом конкурировали. Шкура и Покровский тратили еще огромные суммы на содержание пропагандистов своего имени и на газеты, чтобы о них печатали и создавали себе рекламу. Шифнер-Маркевич же был серьезный и знающий военный. У Шкуры перед Покровским был тот плюс, что он не был жесток и не занимался теми возмутительными экзекуциями над населением, которыми отличался Покровский, а думал исключительно о своей наживе, предоставляя Шифнер-Маркевичу проводить военные операции. Во второй половине сентября бригада Шкуры прошла у ст. Барсуки в Баталпашинский отдел, и тут сразу сказалось корыстолюбие Шкуры, как не кружился Шифнер, а главное внимание отряда было обращено на богатый, но стратегически неважный Кисловодск, между тем, как главная задача владения переправами у Беломечетинской и Баталпашинска была в загоне, а в Кисловодске собирались пожертвования. 26 сентября генералу Черепову с 1, 5 пластунскими батальонами, одним батальоном корниловцев (три остались у меня) и одним пехотным полком было приказано формировать переправы у Николаевской и Барсуковской. Переправа состоялась, но потом красные от железной дороги так встретили белых, что те бежали назад и красные в районе Николаевской даже переправились на правый берег Кубани. Я получил приказание, оставив в Невиномысской полковника Писарева¹³ с Корниловским и партизанскими полками ехать в Николаевскую и принять на себя охрану участка Кубани от Армавира исключительно до Ольгинской переправы. В мое распоряжение были даны 6, 7, 12 и особый пластунские батальоны при 5-ти орудиях и 2-х конных сотнях (особый батальон был составлен Улагаем из людей разных отделов, и потому новый и назвался особым в противовес восстанавливаемых старых номерных батальонов,

комплектовавшихся каждый из своего отдела). 27 сентября я прибыл в Николаевскую, где расположил свой штаб. Красные на правом берегу реки в низине под горами долго удержаться не могли, и быстро отошли почти без всякого давления белых и только под влиянием их маневра вдоль берега реки на их фланги.

Период 27 сентября до Ставропольских боев

Этот период прошел для меня в затишье, если не считать легких перестрелок с красными и демонстративных действий как с их, так и с моей стороны. Наиболее напряженное положение было под ст. Барсуковской, в особенности во время последующих атак красных на Невинномысскую. Во время одной из этих перестрелок я был легко ранен, так что строя не покидал. Силы мои были расположены группами по реке, против мест наиболее удобных для переправ, с главным резервом у Николаевской, с тем, чтобы действовать во фланг и тыл прорвавшемуся противнику, двигаясь вдоль реки. Район Николаевский охранялся особым батальоном, броды между Николаевской и Барсуковской — 6-м батальоном Мезерницкого, и Барсуковская с Ольгинской переправой — 12 батальоном Яхнова. 7-й батальон целиком стоял в резерве в ст. Николаевской. За это время батальоны отдохнули, подучились и вообще оправились. В начале октября красные атаковали Невинномысскую, и выбили оттуда Писарева с корниловцами и партизанами. Партизаны были отведены в резерв Боровского, а корниловцы стали в Н. Екатериновке — было, наконец, решено действовать на железную дорогу восточнее Невинномысской, делая налетами движение по ней невозможным, а станицу не удерживать, одним словом, пришли к решению, которое надо было принять с самого начала. После этого красные атаковали с востока и выбили корниловцев из Н. Екатериновки, но положение было быстро восстановлено. Общее стратегическое положение оставалось прежним. Силы Доброармии безрезультатно толкались против Армавирского района. Шкура владел Кисловодском и иногда захватывал Баталпашинскую переправу. Восстания казаков продолжались. Около 14 октября я с 6 и 12 пластунскими батальонами был оттянут в общий резерв в х. Егорлыцкая, а охрана побережья была передана дивизии Дроздовского, которая наконец овладела Армавиром, и... (часть фразы пропущена. — А. Л.) к востоку для прикрытия Невинномысского района назревал прорыв красных, и понадобился общий резерв. За время моей стоянки в резерве после 14 октября красные усиленно зашевелились — их пребывание в Армавирском районе, видимо, стало затруднительным, и они, видимо, решили выйти к северу и востоку. Одновременно был атакован Кисловодск с востока и Шкура принужден был отойти к Баталпашинску, к которому с юга подходили части Покровского. Красные одновременно переправились в районах Армавира, Николаевской, Барсуковской

и выдвинулись из Невиномысской на овальную высоту. Одновременно с этим обнаружилось наступление крупных сил красных на Торговую с востока. Положение создалось тревожное. Торговая грозила пасть, а оба берега Кубани, выше Армавира оказались в руках красных. Боровский с корниловцами и партизанами уехал к Торговой. Я же был спешно вызван к Дроздовскому, и мне была поручена защита дороги Барсуковская-Татарка (всего ущелья) и западной части (7-ми верстной) г. Недреманной, для чего даны 6, 4 и 12 пластунские батальоны. Правее меня местность наблюдалась конными разъездами и только против Николаевской опять стоял пехотный полк. Левее меня стоял 2-й конный офицерский полк. В резерве не было никого, потому что Дроздовский пехотный полк еще не подошел из Армавира.

8.5.25 года. Слащов.

Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1045. Л. 2–62.

¹ Окончание. Начало см.: Пученков А. С. Слащов Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть 1 // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 193–235.

² Сорокин Иван Лукич (1884–1918) — Главком красных войск Северного Кавказа. Талантливый полководец-самоучка. Осенью 1918 г. был обвинен в «мятеже» против Советской власти, арестован и убит без суда во дворе ставропольской тюрьмы. Подробнее о Сорокине см.: Лобанов В. Б., Пученков А. С. «Мятеж» Ивана Сорокина // Родина. 2011. № 2. С. 62–66; Крутоголов Ф. Ф. Правда о Сорокине / Подгот. текста, предисл. и коммент. к. и. н. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 260–274.

³ Жлоба Дмитрий Петрович (1887–1938) — советский военачальник, один из наиболее известных красных командиров времен гражданской войны. Репрессирован.

⁴ Вопрос о Кубанской армии был одной из ключевых проблем, порождавших конфликт между Деникиным и кубанскими кругами. Дело в том, что результаты совещания высшего командования Добровольческой армии (генералы Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. И. Деникин, И. П. Романовский, И. Г. Эрдели) и Кубанского правительственного отряда под командованием генерала В. Л. Покровского (также со стороны Кубани в совещании принимали участие Войсковой атаман А. П. Филимонов, председатель Кубанского краевого правительства Л. Л. Быч, председатель Кубанской Законодательной рады Н. С. Рябовол) 17 марта 1918 г., приведшего к объединению двух антибольшевистских сил под единым командованием генерала Л. Г. Корнилова, были закреплены протоколом, скрепленным подписями всех присутствовавших на совещании. Совещание постановило: «1. Ввиду прибытия ДА в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые постановлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд как это будет признано необходимым. 2. Законодательная Рада, Войсковое правительство и Войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям

Командующего армией. 3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего *формирования постоянной Кубанской армии* (выделено нами. — А. П.). (См.: Российский государственный военный архив. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 43. Протокол совещания в Новодмитриевской. Л. 1). 3 пункт соглашения в Новодмитриевской позволял кубанским кругам настойчиво атаковать Деникина запросами относительно необходимости формирования Кубанской армии *в соответствии с решениями, принятыми еще в Новодмитриевской в марте 1918 г.* В частности, с аналогичными просьбами к Деникину неоднократно обращался Кубанский атаман А. П. Филимонов. Деникин, в свою очередь, в письме от 11 июля 1919 г. уведомлял атамана о том, что в условиях наступления на Москву формирование отдельной Кубанской армии является «нонсенсом». «Политически — полезно ли теперь, когда мы идем на Москву, выделять Особые казачьи армии, как бы для завоевания Москвы казаками. Своевременно ли этот вопрос возбуждать в то время, когда нам предстоит договориться о политическом объединении казачества под общей Русской национальной властью. Итак, ни стратегические, ни политические, ни технические условия, ни численное состояние Кубанских частей, не позволяют мне согласиться на Вашу просьбу», — писал Деникин. Внизу письма Деникина рукою Филимонова написано о том, что Кубанская армия возникла полгода спустя «и по настоянию лиц прямо враждебных и лично Деникину и всему добровольческому движению» (см.: Государственный архив Российской Федерации [далее — ГАРФ]. Ф. 7363. Оп. 1. Д. 20. Переписка Филимонова с Деникиным. Л. 5). Как видим, в вопросе о формировании Кубанской армии наглядно просматривается столкновение великодержавной политики Главнокомандования и регионального сепаратизма казачества.

⁵ Подробнее о конфликтных отношениях кубанских деятелей и белого Главнокомандования см.: *Пученков А. С.* 1) Конец Кулабухова, или рассказ об одном повешенном // *Родина*. 2008. № 3. С. 41–44; 2) Деникин и кубанцы в 1919 году: два эпизода отношений // *Русский сборник*. 2012. Т. 12. С. 385–406. — Политические устремления кубанских самостийников выразил в интервью Г. Н. Раковскому первый председатель Кубанского правительства Л. Л. Быч, заявивший о том, что свободу Кубани они понимают как «полную государственную независимость. народ Кубани является единственным и суверенным хозяином земли Кубанской, вершителем своей судьбы... Начиная с конца 1917 года, т. е. с момента, когда Кубанская краевая рада (кубанское учредительное собрание) провозгласила суверенитет народа на своей земле, мы так смотрим на нашу самостоятельность». (См.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 155. Л. 1). По утверждению генерала Н. В. Шинкаренко, «вражда кубанская нацелена была не столько на деникинское главнокомандование, сколько на правительственное возглавление им Юга России. Скинуть с себя малейшую тень зависимости от Деникина, — то есть от какого угодно добровольческого правительства, которое воображает себя правительством всероссийским...» Самостийники, как вспоминал Шинкаренко, мечтали «послать к черту не только Деникина с добровольцами, но и саму Россию... Что угодно, — только не Россия...» (см.: Центральный музей Вооруженных Сил. Ф. Собрание Музей-Общество «Родина». Воспоминания генерал-майора Н. В. Шинкаренко о его жизни, о войнах и о тех делах, в которых ему довелось участвовать. 1958. Ч. III. Л. 15). По словам идейного антагониста кубанских самостийников, генерала А. И. Деникина, «такие идеи, как "Кубанцы — это самостоятельная ветвь славянского племени"... или о "самостоятельной казачьей нации" рождались у людей скорбноголовых или с продажной совестью и не имели, не могут иметь отклика в казачьей массе, сознающей себя по крови и до костей русскою» (см.: Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2006. С. 21–22). Конфликт между белым Главнокомандованием и кубанскими самостийниками, высшей точкой которого явилось так называемое «Кубанское действие» в ноябре 1919 г., вызревал уже давно. Деятельность Кубанской Рады вызывала у некоторых представителей военной элиты Добровольческой армии резкое недовольство. Так, генерал В. Л. Покровский еще осенью 1918 г. призывал «обуздать крикунов из Рады» и предать их военно-полевому суду (см.: *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана // *Белое дело*: Избр. пр. в 16 кн. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 192). Лишь

резкое противодействие атамана Филимонова, а с его подачи и Деникина, планируемому Покровским аресту деятелей Рады, заставило В. Л. Покровского отказаться от его намерения. Расправа над «крикунами» из Рады будет произведена белым Главнокомандованием лишь год спустя, при условиях, несопоставимо менее удобных и выгодных для «кубанского действия», чем осенью 1918 г. (См.: ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 392. Малеванов В. Л. Генерал В. Л. Покровский и кубанские самостийники. Л. 268–270). Несмотря на то, что в официальном отчете, посвященном «кубанскому действию», сообщалось о том, что «Краевая Рада, избавившаяся от демагогов, увлекавших ее на путь безумия и измены, приступила к деловой работе» (см.: ГАРФ. Ф. 6344. Оп. 1. Д. 71. Краткий отчет о событиях на Кубани на имя председателя Донского Круга В. А. Харламова. Л. 2), политический кризис на Кубани, на наш взгляд, после «кубанского действия» был лишь усугублен, а идеи «крикунов» основательно проникли в толщу воевавшего на стороне белых кубанского казачества, способствовав его разложению. В итоге, по справедливому утверждению адъютанта Деникина, полковника П. В. Колтышева, «разрушительная работа самостийных течений... послужила одной из главных причин неудачи борьбы белых с красными на Юге России в 1919–1920 годы...» (см.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 418. Колтышев П. В. Очищение Северного Кавказа, август 1918– февраль 1919 г. Л. 26 а).

⁶ Боровский Александр Александрович (1877–1939) — генерал-лейтенант, активный участник Белого движения на Юге России, первопоходник; в 1919 г. — командующий Крымско-Азовской Добровольческой армии. Скончался в эмиграции. Подробнее о генерале Боровском и Крымско-Азовской Добровольческой армии см.: *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. / Подгот. текста, предисл. и коммент. к. и. н. А. С. Пученкова // *Новейшая история России.* 2015. № 1. С. 233–238, 248–256).

⁷ Улагай Сергей Георгиевич (1875–1944) — генерал-лейтенант, один из наиболее прославленных белогвардейских кавалерийских военачальников времен гражданской войны. Генерал В. А. Замбржицкий оставил в своих воспоминаниях яркую и образную характеристику Улагая: «Крепкая, словно отлитая из стали, фигура поражала своей статью, красотой и отчетливостью линий... Все в нем было удивительно пропорционально... Улагай — незаменимый конный начальник, отважный джигит, которому цены нет» (см.: ГАРФ. Ф. 6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 11, 140).

⁸ Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919) — генерал-майор, один из самых известных белогвардейских военачальников. Отличался исключительной личной храбростью; был сторонником крайних мер борьбы с большевиками. Подробнее о Дроздовском см.: *Пученков А. С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти: Дис. ... д-ра ист. н. СПб., 2014. С. 299–310.

⁹ Черепов Александр Николаевич (1877–1964) — генерал-майор, первопоходник. Скончался в Нью-Йорке.

¹⁰ Корниловцы, марковцы, алексеевцы, дроздовцы — чины именных, так называемых «цветных» частей Добровольческой армии, шефами которых числились скончавшиеся уже к тому моменту прославленные белогвардейские военачальники — основатели Белого движения на Юге России — Л. Г. Корнилов, С. Л. Марков, М. В. Алексеев, а также сыгравший исключительную роль в белой борьбе — М. Г. Дроздовский. «Цветные» части по праву считались элитой Добровольческой армии и отличались непревзойденными боевыми качествами. Классическое описание нравов «цветных» частей можно встретить на страницах выдержавших множество переизданий беллетризованных воспоминаний дроздовца А. В. Туркула «Дроздовцы в огне».

¹¹ Романовский Иван Павлович (1877–1920) — генерал-лейтенант, Начальник штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России (1918–1920). Доверенное лицо генерала Деникина, среди строевых офицеров нередко назывался «злым гением Добровольческой армии». Убит в Константинополе, в здании русского посольства 5 апреля 1920 г. Убийца, согласно наиболее распространенной версии, — поручик

М. А. Харузин. «Во главе всего добровольческого дела стояли генерал Деникин с начальником штаба Генералом И. П. Романовским, с чьей-то нелегкой руки окрещенный впоследствии "злым гением Добровольческой армии". Кто первый и когда пустил это крылатое выражение, не знаю. Тогда, конечно, его еще не существовало. Но сколько в нем какой-то ядовитой злобы, людской ненависти и как в сущности оно было несправедливо... Все упреки по его адресу в какой-то его необычайной левизне, красноте и наконец чуть ли не в масонстве, конечно, сплошной вздор. Это был по существу очень простой, в высокой степени честный и порядочный, очень не глупый человек, не крайних правых, но, по моему, безусловно правых убеждений и до мозга костей пропитанный сознанием своего долга. Был ли он волевой — не знаю. Над этим я не раз задумывался, но, по правде говоря, определенно ответить на вопрос затруднился бы. Думаю, что скорее нет. В нем, по-моему, как-то странно сочетались с одной стороны безусловная твердость и настойчивость в проведении того, что он считал необходимым, с другой какая-то непонятная иногда не то пассивность, не то покорность обстоятельствам и даже как будто желание вообще уйти от какого бы то ни было решения. Впоследствии это непротивленчество я объяснял просто усталостью, ибо он нес на себе безусловно непосильную ношу. Может быть, некоторое объяснение можно найти и в том, что мне довелось слышать от одного очень близкого к нему человека. "Имя Главнокомандующего должно быть неприкосновенно", говорил он, и это было его рыцарским девизом. Многие то, с чем он и сам, может быть, не был согласен, он не только по долгу службы добросовестно исполнял, но и держал себя так, как будто вполне разделял эту точку зрения или даже сам был ее проводником. Замкнутый в себе и мало приветливый вообще он в такие минуты обращался в сфинкса, а в связи с манерой говорить немного сквозь зубы, как будто свысока, притом иногда очень резко, производил неприятное впечатление. Только в тесной компании близких знакомых и друзей он оживлялся и для людей хорошо его знавших, конечно, не было секретом, что это в высшей степени добрый и по существу веселый человек. Всем этим, думается, пользовались бесчисленные враги, окружавшие Главное Командование и, не решаясь вести интригу против самого генерала Деникина, бывшего для массы долгое время очень популярным, вели ее против его начальника Штаба, как, якобы, его ближайшего и непосредственного вдохновителя. А сфинкс все молчал и как-то по-своему криво улыбался. Может быть я ошибаюсь, но с врагами, по-моему, он или не хотел бороться; во всяком случае боролся очень мало. Их же бессмысленной жертвой он и пал в конце концов, отдав свою жизнь за своего Главнокомандующего и дело, которому служил. Кому нужно было убрать этого молчаливого свидетеля прошлого — разберет история. Верить в рассказы о том, что это было простая месть озлобленного офицерства было бы, конечно, наивно. Но если даже и так, и у этого офицерства были свои вдохновители», — писал хорошо знавший Романовского генерал В. А. Энгельке (см: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Энгельке В. А. Грехи системы. Л. 11–14). «Несмотря на свою кажущуюся сухость, И. П. (здесь и далее — И. П. Романовский. — А. П.) был человек очень добрый, отзывчивый и чуткий к чужому горю, но это знали только те, кто был ближе к нему. Все же другие, встречавшиеся с ним раз или два, поддавались первому впечатлению, трактовали его как формалиста, особенно если И. П. по долгу службы должен был отклонить их просьбу, которые сплошь и рядом были прямо неосуществимы. Надо ведь знать, с какими только просьбами не обращались к начальнику штаба и какого рода "прожентеров" ему не приходилось выслушивать. Все это было развинченное, озлобленное, нервное, несдержанное и отказ в одной частной просьбе раздувался в нежелание идти навстречу людям, делу и даже умышленный вред ему. Мне, например, уже зимой 1920 года случайно стало известно, что в Екатеринодаре в 1918 или 1919 году готовилось покушение на И. П. за то, что он якобы противодействовал формированиям одной из добровольческих дивизий. Можно ли это изобрести про начальника штаба, душою преданного своему делу и только и думающего о развитии мощи Д. А. и больше всего о добровольцах. Я считаю, что эта преступная, ничем не сдерживаемая болтовня людей, потерявших душевное равновесие, и была главной причиной того, что вокруг И. П. складывалась легенда о "злом гении". Напротив И. П. был человек на редкость преданный

своему делу, служивший ему и день, и ночь, не жалея сил. Он вел это дело твердо, уверенно, прямолинейно и настойчиво, всеми силами стремясь возвести его в систему и избежать всяких экзотичностей, на что все были падки, не видя ничего дальше своей колокольни. Помимо этих качеств И. П. отличался и другими положительными качествами — он являл собою идеал начальника штаба, настойчиво проводя волю и идеи своего начальника и всегда имевшего мужество принимать на себя разрешение всех, даже неприличных вопросов, дабы оградить от них своего начальника. Словом, это был честный русский гражданин и солдат, всемерно любящий свою Родину и не пожалевший для нее своей жизни. Он вел дело так, как понимал — и никогда не сворачивал со своего намеченного пути в угоду тем или иным интересам, так мог поступить только “большой” человек и И. П. им и был. Но его не любили. Я считаю, что именно его и не любили за то, что он был большой и крепкий человек, стремящийся вести среднюю линию во время нашей разрухи. Помимо той глупой болтовни, которую я отметил выше, глупой и бессистемной, против него велась и систематическая агитация и справа, и слева, чтобы свалить этого человека, казавшегося одним слишком правым, а другим левым... он был неприемлем, как человек, горячо любивший Родину и не допускавший никаких дальнейших экспериментов над ней — правые не понимали, что он был левее их только по рассудку и агитация с их стороны была также преступна, как и с левой. Чего только не распространяли о нем справа. Что он с.-р. думало больше половины армии. Другие протягивали к нему какие-то масонские цепочки через Н. И. Астрова и М. М. Федорова (Н. И. Астров, М. М. Федоров — кадеты, члены Особого Совецания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России генерале А. И. Деникине. — А. П.), не понимая, что губят то дело, которое умнее их вел И. П. Не любили И. П. и генералы, старшие его по прежней службе, за его влияние и за то, что он, сравнительно молодой, занимал такой высокий пост... Виноваты немного и штабные, особенно лица, занимавшие более высокие посты в штабе. Они считали, что И. П. не умеет организовать работу. Действительно И. П. был очень занят, и к нему трудно было попасть на доклад; случалось, что некоторые вопросы задерживались. Возможно, что эти разговоры доходили до толщи армии и там извращались в умышленном торможении. Словом, в судьбе И. П. мы видим трагедию непонятого в массе человека, стоявшего выше нее, а заплатившего за честную службу своему долгу своей кровью...» (см.: ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 238. Записка генерала С. М. Трухачева о И. П. Романовском. Л. 1–4).

¹² Мамонтов (Мамаентов) Константин Константинович (1869–1920) — генерал-лейтенант, один из наиболее прославленных белогвардейских кавалерийских военачальников. Скончался от тифа в Екатеринодаде. Хорошо знавший Мамонтова генерал А. К. Кельчевский вспоминал о нем: «Высокого роста, стройный, мужественный, с удивительной выправкой, присущей особо тренированным кавалеристам, покойный производил впечатление стального человека. Его красивое и мужественное лицо особенно поражало своим разрезом глаз, окаймленных густыми ресницами и прямыми, густо поросшими и притянутыми к корню носа бровями. Последние в связи с его слегка орлиным носом и крепко сжатыми губами придавали лицу покойного некоторую суровость, что впрочем гармонировало с его твердым и решительным характером. Прямой и красивый лоб его окаймлялся темно-каштановыми с небольшой проседью волосами, густо покрывавшими всю его хорошо стриженную голову. Что особенно отличало лицо покойного, это его густые, пушистые, с огромными подусниками усы. Подусники были настолько длинные, что покойный во время письменных занятий и еды закручивал их за уши, чтобы не ерзать ими по бумаге или не купать в супе» (см.: ГАРФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 29).

¹³ Писарев Петр Константинович (1874–1967) — генерал-лейтенант, один из наиболее инициативных белогвардейских военачальников. Умер в эмиграции. «Честный солдат, бесхитростный и прямой, не дипломат и не политик, преданный долгу и службе, не имевший опыта в водителстве крупных войсковых масс, плохо разбиравшийся в обстановке и местных кубанских интересах, Писарев не был ни Наполеоном, ни тем вождем, который мог бы справиться со стихией и повернуть разлагавшуюся массу для новой борьбы

с большевиками», — писал о Писареве генерал В. А. Замбржицкий (см.: ГАРФ. Ф. 6559. Оп. 1. Д. 7. Замбржицкий В. А. Совет в Туапсе. Л. 2).

Пученков А. С. Слащов Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть II // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 226–256.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); puchenkov@spbu.ru

Slashchov Ya. A. "Volunteer Army in 1918". Part II

A publication by A. S. Puchenkov

AUTHOR: Doctor of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); puchenkov@spbu.ru

REFERENCES:

- ¹ Puchenkov A. S. 'Slashchov Ya. A. «O Dobrarmii v dejstvii v 1918 godu». Chast I, *Novejshaja istorija Rossii*, no. 3 (14), 2015.
- ² Lobanov V. B., Puchenkov A. S. '«Mjatezh» Ivana Sorokina', *Rodina*, no. 2, 2011.
- ³ Krutogolov F. F. 'Pravda o Sorokine', Comm. A. S. Puchenkov, *Novejshaja istorija Rossii*, no. 3, 2012.
- ⁴ Puchenkov A. S. 'Konetz Kulabuhova, ili rasskaz ob odnom poveshennom', *Rodina*, no. 3, 2008.
- ⁵ Puchenkov A. S. 'Denikin i kubancy v 1919 godu: dva jepizoda otnoshenij', *Russkiy sbornik*, 2012, Vol. 12.
- ⁶ *Kazachestvo: mysli sovremennikov o proshlom, nastojashhem i budushhem kazachestva* (Moscow, 2006).
- ⁷ Shkuro A. G. 'Zapiski belogo partizana', *Beloe delo*, 16 volumes, *Dobrovol'yi partizany* (Moscow, 1996).
- ⁸ Nabokov V. D. 'Krym v 1918/19 gg.', Comm. A. S. Puchenkova, *Novejshaja istorija Rossii*, no. 1, 2015.
- ⁹ Puchenkov A. S. *Antibol'shevistskoe dvizhenie na Juge i Jugo-Zapade Rossii (nojabr' 1917 – janvar' 1919 gg.): Ideologija, politika, osnovy rezhima vlasti* [Doctor of History Dissertation] (St. Petersburg, 2014).